

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМА ВЫРАЗИМОСТИ

В.А. Ладов

Томский государственный университет

E-mail: ladov@yandex.ru

Обсуждается проблема поиска релевантных лингвистических форм, выражающих так называемые интенциональные состояния. Автор утверждает, что феноменология – наиболее известное в современной философии учение об интенциональных состояниях сознания – ведет себя наивно по отношению к тому языку, который она использует для построения своей теории. Феноменология пользуется классическим референциалистским языком науки, что не позволяет избежать двусмысленности при выражении основной методической идеи данного философского учения – идеи редукции.

Тема интенциональности в аналитической философии широко обсуждалась в характерном для этой традиции ключе. Лингвистические манифестации интенциональных состояний – вот что выступало здесь проблемным полем исследований. Главный вопрос заключался в экспликации специфики предложений с пропозициональными установками. То, что именно в данной синтаксической форме находит свое выражение интенциональность, сомнений ни у кого не вызывало. Другое дело, что синтаксис таких предложений таил в себе, по выражению С. Крипке, "загадку", к которой многие отнеслись по-разному. Речь шла о затруднении в определении истинностных значений предложений с пропозициональными установками – проблеме, впервые поставленной Г. Фреге [1]. У. Куайн, например, назвав данные предложения референциально непрозрачными [2], отнесся к ним с явным пренебрежением: подобные лингвистические контексты должны быть удалены из научного дискурса как не отвечающие логическим требованиям референциальной определенности. С. Крипке, предельно радикализируя по сравнению со своими предшественниками проблему непрозрачных контекстов [3], просто развел руками: неразрешимая загадка языка. К.-О. Апель – немецкий аналитик, впитавший в себя принципы отечественного трансцендентализма, – признал предложения с пропозициональными установками основой синтаксиса наук о духе [4].

Но так ли уж однозначен ответ на вопрос о том, что интенциональность вообще выражима в указанной форме синтаксиса языка? В данной статье я попытаюсь показать, что, по крайней мере, для одной из наиболее радикальных интенционалистских теорий – феноменологии Э. Гуссерля, этот вопрос должен представлять большую проблему, которая пока не имеет какого-либо удовлетворительного решения.

Феноменологию Гуссерля можно расценивать как разрешение затруднения в определении онтологического статуса интенционального объекта. Само затруднение вытекало, как известно, из тезиса Ф. Brentano о различении физических и психических феноменов [5]. Физический объект автономен, он может вступать в какие-либо отношения с другими объектами мира, а может и не вступать. В обоих случаях он сохраняет свое самостоятельное существование, любое вступление в отношение для него вторично. Сущность психического, напротив,

в том, что оно представляет собой неразрывное единство двух элементов – психического переживания и переживаемого объекта. Переживание (интенция) всегда направлено, всегда имеет в виду какой-либо объект, не существует без него. То же можно сказать и об объекте переживания – интенциональном объекте. Характеристики последнего оказываются зависимыми от качеств той интенции, которая обращается к нему. Один и тот же объект, будучи данным в восприятии и в воспоминании, при сохранении универсальной характеристики "быть одним и тем же" претерпевает качественные изменения, в зависимости от характера интенций: воспринимаемый X отличается от воспоминаемого X.

Когда речь идет о дереве за окном, то никаких проблем не возникает. Данная ситуация может быть легко проинтерпретирована следующим образом. В мире существует физический объект – дерево, который является причиной моего психического внимания к нему. Интенциональным объектом тогда можно было бы назвать не само физическое (я ведь не помещаю себе в голову само дерево, когда думаю о нем), а некий ментальный образ, являющийся результатом процесса восприятия внешнего объекта (экспликацию этого процесса оставим физиологии). Ментальный образ переживается и, действительно, изменяет свои характеристики в зависимости от форм интенций: я могу отвернуться от окна и интендировать дерево в модусе воспоминания. Нет ничего удивительного в том, что образ теряет какие-то прежние черты и приобретает новые. Нет сомнения, опять же, в том, что такой ментальный образ неотделим от моих переживаний и не существует за их пределами.

Проблема возникает тогда, когда я в своем интендировании не могу "опереться" на какой-либо физический объект. Допустим, я верю в то, что сейчас, пока я пишу эти строки, в моей комнате находится носорог. Носорога как физического объекта в комнате (согласимся в этом с Б. Расселом), конечно же, нет. На что тогда направлена моя интенция убеждения? Если бы я верил только в то, что имею в своей психике ментальный образ носорога, то ничего такого, что заслуживало бы сейчас серьезного обсуждения, со мной бы не происходило. Но на самом деле со мной, действительно, происходит что-то необычное: я верю в то, что сам носорог, а не только его образ, присутствует сейчас здесь, в комнате. Очевидно, что в данном случае интенциональный

объект находится за пределами моего внутреннего мира, но, вместе с тем, он не находит поддержки и во внешнем, физическом мире. Он не существует ни в объективной, ни в субъективной реальности — он виртуален. В этом и заключалась проблема: каков онтологический статус интенционального объекта, какое место он занимает в области сущего?

Для убежденных реалистов, таких как Д. Деннет [6] например, эта проблема до сих пор не имеет своего адекватного решения. Гуссерль же, который пошел по пути трансцендентализма, предложил простое и ясное решение: если признать, что все объекты интенциональны, т.е. если пресечь веру в объективный, независимый от сознания мир, то проблема исчезнет сама собой [7]. Интенциональное бытие считается в трансцендентализме не каким-то миром теней и призраков, как думает об этом реалист, но единственной сферой действительности, за пределами которой нет ничего вообще. Гуссерлевская феноменология — это учение об интенциональных объектах.

Феноменология не потрудились над тем, чтобы поставить вопрос о синтаксической специфике своего учения. Тем не менее, будучи рассмотренным надлежащим образом, этот вопрос должен создать для гуссерлианцев серьезное теоретическое затруднение, ибо, как я покажу ниже, возможные ответы на него инициируют тезис о принципиальной лингвистической необеспеченности радикальных интенционалистских учений.

Для аргументации в защиту данного тезиса я воспользуюсь результатами логического анализа различных форм предложений языка, проведенного Г. Фреге. Однако вначале, чтобы анализ Фреге "заработал" в феноменологии, придется задать определенное понятийное соответствие между гуссерлевскими и фрегевскими исследованиями.

Выстраивая иерархию качественных форм интенциональных актов, Гуссерль вводит следующие различия. Основополагающей формой любого интенционального акта признается та, которая имеет качественную характеристику чистого представления. На этом уровне интендирования происходит схватывание чистого нозматического содержания (или "материи" интенциональной сущности — как высказывался Гуссерль в "Логических исследованиях"). Какое-либо обстояние дел просто принимается во внимание и обдумывается. Это уровень непосредственного усмотрения феномена (интенционального объекта), данного в эйдетической интуиции. Вплотную к этой структуре, хотя все же как надстраивающаяся над ней, прилегают другие качественные формы, которую Гуссерль называет позиционным актом: "... мы можем установить позиционные акты как акты основанные на других актах, не как чистые представления, но как акты основанные на представлениях; новый позиционный характер бытия тогда, по-видимому, является дополнительным к чистому представлению" [8. С. 465]. Предназначение позиционного акта сводится к

тому, чтобы решать вопрос о бытийной значимости того обстояния дел, которое мыслится в фундирующем акте чистого представления. Решить вопрос о бытийной значимости — это значит либо придать мыслимому обстоянию дел статус автономного существования, либо отказать ему в этом: "Среди именуемых актов мы различаем позиционные и непозиционные. Первые ... интуитивным способом отсылают к предмету как к существующему. Вторые оставляют вопрос о существовании своих предметов нерешенным" [8. С. 580].

Подобные же дистинкции обнаруживаются и у Фреге. Он также различает схватывание мысли, то есть принятие во внимание некоторого мыслимого обстояния дел без решения вопроса об истинности последнего, и суждение как признание истинности мысли: "Итак, мы будем различать: 1) схватывание мысли — мышление; 2) признание истинности мысли — суждение; 3) демонстрация этого суждения — утверждение" [9. С. 28]. При этом Фреге упоминает, что он использует термин "суждение" не в привычном логическом смысле, то есть как предикацию, а именно как утверждение истинности, что как раз и соответствует гуссерлевскому позиционному акту. Предназначение обеих этих структур заключается в том, чтобы производить экзистенциальное полагание мыслимого обстояния дел.

Радикальная интенционализация мира производится в феноменологии при помощи такой методической операции, как редукция. Именно она позволяет прервать ценный реалистами разговор о мире самом по себе, оставляя в качестве данного только интенциональные объекты. Действует редукция следующим образом. Она принимает во внимание отношение между индифферентным чистым представлением и позиционным актом (или между индифферентной мыслью и признанием истинности этой мысли). Редукция "заключает в скобки" позиционный акт. Это значит, что она налагает запрет на наивное, латентное совершение этого акта, которое характерно для естественной установки. Редукция не препятствует бытийному полаганию, она лишь делает его явным, признавая тезис о бытии мира только в качестве результата активности сознания, продуцирующего позиционные акты.

На лингвистическом уровне обсуждаемая методическая операция будет выглядеть как "заключение в скобки" суждения об истинности или ложности той мысли, которая выражена в предложении языка, т.е. как рефлексия, а значит лингвистическая фиксация акта, утверждающего логическую валентность пропозиции.

Анализ Фреге показал, что такая лингвистическая фиксация в естественном языке, который как раз и использует Гуссерль для экспликации своих исследований, невозможна. Осуществление суждения-утверждения, то есть признание истинности мысли, имеет в языке всецело латентный характер. Невозможно обнаружить специального знака, который характеризовал бы наличие такого суждения,

это суждение-утверждение осуществляется самой формой утвердительного предложения: "Мне представляется, что до сих пор мысль и суждение отчетливо не различались. Возможно, язык сам потворствует этому. Действительно, в утвердительном предложении нет специального компонента, соответствующего утверждению" [9. С. 28]. Утвердительное предложение естественного языка выражает всегда одновременно и неразличенно саму мысль и экзистенциальное полагание мыслимого: "Признание истинности мысли мы выражаем в форме утвердительного предложения. При этом нам не требуется слово "истинный". И даже если мы употребляем это слово, собственно утверждающая сила принадлежит не ему, а форме утвердительного предложения" [9. С. 28].

Данное открытие Фреге представляет собой серьезное препятствие на пути феноменологической редукции. Гуссерль не заметил, что произвести рефлексию над актами бытийного полагания не позволяют выразительные возможности того языка, который он использовал в феноменологии. Произнося "На улице идет дождь", феноменолог оказывается неспособным четко различить и зафиксировать в рефлексии мысль, выражаемую этим предложением и суждение об истинности этой мысли. Это значит, что язык неминуемо затягивает трансцендентального философа в "трясину" естественной установки, не позволяя "нащупать" никакой надежной опоры, чтобы удержаться в сфере чистой мысли.

От неизбежной натурализации трансцендентально-индифферентной сферы сознания Гуссерля не спасает и косвенный контекст, предложенный Фреге в качестве выхода из обнаруженного затруднения. Если предложение "На улице идет дождь" поместить в качестве дополнения в более общее предложение с пропозициональной установкой, то, по мысли Фреге, в дополнении связь с референтом устраняется. "Я утверждаю, что на улице идет дождь" — на истинность этого предложения никак не повлияет логическая валентность дополнения "... на улице

идет дождь". Дополнение в данном случае выражает нейтральный смысл и ничего более. Вместе с тем, пропозициональная установка "Я утверждаю, что ..." как раз, казалось бы, и представляет в данном случае адекватную выразительную структуру языка, способную зафиксировать позиционный акт. Смыслом предложения, выражающего данную пропозициональную установку, становится само бытийное полагание, следовательно, оно не ускользает более от рефлексии, оно дано в своем осуществлении. Однако данное предложение имеет и референт, а это значит, что мы вновь латентно ввели следующий позиционный акт. Здесь утверждается, что такое событие как позиционный акт, утверждающий истинность пропозиции "На улице идет дождь" действительно существует. Нужно ли говорить, что это вновь противоречит последовательно проводимой редукции: ведь любой акт сам должен быть принят во внимание только как смысл, как феномен, как интенциональный объект. Сознание неизбежно натурализуется, язык всегда опережает рефлексивный взор на один шаг, расставляя на его пути подобные референциальные ловушки.

Вывод, который можно сделать из проведенного выше анализа, имеет отношение не только к феноменологии, но к тем теориям в традиции аналитической философии, которые разрабатывали тему интенциональности, сосредотачиваясь на лингвистических проблемах. Предложения с пропозициональными установками, вопреки Куайну, не являются референциально непрозрачными во всех отношениях. Напротив, для каждого из них всегда можно указать такой уровень семантического рассмотрения, на котором они продуцируют вполне определенную референцию. Это значит что вопрос о лингвистической обеспеченности радикального интенционалистского дискурса по-прежнему остается открытым.

Статья написана при поддержке РГНФ. Грант № 02-03-00042а

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. — М.: ДИК, 1997. — С. 25–49.
2. Quine W. Reference and Modality // Quine W. From a Logical Point of View. — Harvard University Press, 1953. — P. 139–159.
3. Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. XVIII. — С. 194–241.
4. Апель К.-О. Развитие "аналитической философии языка" и проблема "наук о духе" // Апель К.-О. Трансформация философии. — М.: Логос, 2001. — С. 103–170.
5. Brentano F. The distinction between mental and physical phenomena // Realism and the Background of

- Phenomenology, ed. R.M. Chisholm. — Atascadero, CA: Ridgeview Publishing, 1960. — P. 39–61.
6. Dennet D., Haugeland J. Intentionality // The Oxford Companion to the Mind, in R.L. Gregory, ed., Oxford University Press, 1987.
7. Husserl E. Ideen zur einer reinen Phanomenologie und phanomenologische Philosophie. Buch I. Allgemeine Einfuhrung in die reine Phanomenologie. — Halle a. d. S.: Niemeyer, 1922.
8. Husserl E. Logische Untersuchungen. Max Niemeyer Verlag Tubingen, — Bd. 2, Teil 1, 1980.
9. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логические исследования. — Томск: Водолей, 1997. — С. 22–49.